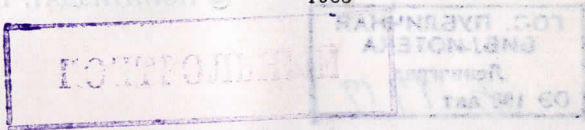

83-2
3618 2

П.С.Фатеев

Первые российские марксисты

Издательство
политической
литературы
Москва
1983

Глава вторая

Первая марксистская...

...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса...

Ф. Энгельс

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

Царизм и помещики отбили революционный натиск 1879—1880 годов и перешли к невероятно жестокой политической реакции. Они стремились разгромить с помощью террора и репрессий революционные силы в стране, сохранить и укрепить крепостнические пережитки, ослабить действие буржуазных реформ 60-х годов и задержать развитие капитализма в России.

Переход к открытой реакции стал возможен вследствие отсутствия в России организованных сил, способных на серьезную борьбу. Народовольцы, оторванные от народных масс, оказались бессильными. Пролетариат лишь пробуждался к самостоятельной классовой борьбе. Крестьянское движение оставалось стихийным и неорганизованным. Российская буржуазия, будучи политически неразвитой, ограничивалась лакейскими просьбами к царю.

Поворот к политике открытой реакции был связан с приходом к власти Александра III. Даже царские сановники, такие, как граф Валуев, вынуждены были признать, что при новом императоре «всякое разумное суждение было невозможно», во всем брала верх «дикая стихия», «зло», «низость». Своим идеалом новый царь считал Николая I и направлял все усилия к возрождению николаевского режима. В Манифесте от 29 апреля 1881 года он открыто провозгласил реакционное направление своей внутренней и внешней политики, охрану незыблемости самодержавия.

При Александре III главной политической силой стала могущественная, сплоченная и неразборчивая в средствах партия «непреклонных сторонников самодержавия»¹. Эта партия мракобесов яростно отстаивала неограниченную власть монарха, была противником всяких реформ, выступала организатором травли и преследований прогрессивных деятелей.

Правительство переходило к политике открытой реакции с большой осторожностью. Оно было не вполне уверено в собственных силах и поэтому «не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурочить «общество»². Чтобы обмануть общественное мнение и прикрыть переход к прямой реакции, министром внутренних дел был назначен демагог и обманщик, изощренный в искусстве «внутренней дипломатии» граф Игнатъев, бывший посол в Турции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

² Там же, с. 46.

В августе 1881 года было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», названное Лениным «фактической российской конституцией». По этой «конституции» органам власти предоставлялось право вводить в губерниях чрезвычайное положение, арестовывать и ссылать без суда и следствия любого человека, распускать земства, городские думы, закрывать органы печати, учебные заведения и т. д. Министр внутренних дел Игнатъев стремился искоренить «крамолу» и всякую прогрессивную мысль. Он завершил разгром «Народной воли». Многие революционеры-народники были «навечно» замурованы в одиночные камеры Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, сосланы на каторгу, поселение в Сибирь.

В мае 1882 года министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов был назначен вместо Игнатъева крайний реакционер Д. Толстой, получивший прозвище «министра борьбы». С его приходом к власти изменился весь кабинет министров. В него вошли сторонники открытой и самой жестокой реакции.

Опираясь на реакционные элементы, министр Толстой еще более усилил борьбу с революционным движением, еще шире развернул полицейский террор и репрессии против прогрессивных сил страны. Повсюду начались преследования и травля передовых деятелей литературы, науки, искусства. Положение об усиленной охране в июне 1882 года было дополнено законом о местностях, объявленных на военном положении. На основании этого закона расширялись права местной администрации, жандармерии, полиции. С невероятной

жестокостью и беспощадностью царские палачи расправлялись с участниками народных волнений. Десятки тысяч рабочих и крестьян, а вместе с ними и революционеры арестовывались, заключались в тюрьмы, ссылались на каторгу.

Сбылись самые мрачные предсказания Г. В. Плеханова о том, что отказ народовольцев от работы среди народных масс, от связи с ними, переход к индивидуальному террору неверен, губителен для самих народовольцев и бесплоден для народа. Плеханов тяжело переживал трагедию товарищей, недавних единомышленников, столь самоотверженных, искренне и беззаветно любивших свою родину, свой народ; они шли на борьбу и страдание, на смерть и вечную каторгу во имя свободы и счастья людей. Великий революционный демократ поэт Н. А. Некрасов нарисовал картину царской расправы с революционными демократами 70-х годов:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопившие,
Но разнuzданы страсти жестокие.

Вихорь злобы бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются! ¹

¹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1948, т. 2, с. 411.

Но не была Россия «великаном убитым». Еще напряженнее работала общественная мысль, мысль самых передовых людей России, искавших правильную революционную теорию.

В годы реакции среди народников происходит новый раскол, вызванный развитием капитализма в деревне. В своем труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин убедительно доказал: «...борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата...»¹ Ленин показал «разложение, раскрестьянивание наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика...»² Мелкий производитель превращался либо в буржуа, либо в пролетария. А народники переходили на либеральные позиции, они становились идеологами мещанства, сельской буржуазии³. «Поскребите «народного друга» — можем сказать мы, перефразируя известное изречение, — пишет Ленин, — и вы найдете буржуа»⁴. Эти «народники» порывали связи с лучшими традициями революционной демократии.

А те, кто сохранял верность этим традициям, оказывались на виселицах и в тюрьмах.

Последним арестованным членом исполкома «Народной воли» была Вера Николаевна Фигнер. Раздумывая о причинах крушения своей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 237—238.

² Там же, с. 238.

³ См. там же, с. 238, 239.

⁴ Там же, с. 152.

партии, она пришла к выводу: «Надо было создавать фундамент и на основе хозяйственного развития России строить новую партию, что было делом будущего. В предвидении этого будущего должна была возникнуть новая партия...»¹

КТО ОНИ?

Первый шаг в этом направлении сделал *Георгий Валентинович Плеханов* (1856—1918). Глубокое изучение марксизма, перевод произведений основоположников научного коммунизма на русский язык, распространение их в России, творческое применение идей научного социализма к анализу обстановки в стране, борьба с марксистских позиций с устаревшими, ошибочными взглядами русских общественных деятелей — вот те основные задачи, к пониманию и решению которых постепенно пришли Плеханов и его единомышленники.

В 1866—1872 годах Георгий Плеханов учился в Воронежской военной гимназии, куда он был принят как сын штабс-капитана. Его сестра Варвара Валентиновна Позднякова-Плеханова опубликовала в 1923 году весьма интересные воспоминания о детских годах брата². Она пишет, что он был серьезен, прилежен, добр, очень нежен с матерью, которая оказывала помощь сыну в изучении наук, особенно истории.

¹ *Фигнер В. Н.* Полное собрание сочинений в 7-ми т. М., 1932, т. 1, с. 314.

² См.: Группа «Освобождение труда». М., 1923, № 1, с. 83—94.

В Воронежской военной гимназии работали тогда преподаватели, оказывавшие на воспитанников благотворное влияние. Они знакомили их с произведениями прогрессивных писателей, прививали им любовь к родине, развивали интерес к знаниям, чтению, мышлению. Из учителей военной гимназии Г. В. Плеханов особенно тепло вспоминал о Н. Ф. Бунакове. «У меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто». Бунаков проявлял почтение к декабристам, к современным революционерам. Он их считал «самыми способными, самыми честными людьми, которые при других условиях были бы честью и славой своего отечества», но из-за мстительного, дикого произвола и отвратительного варварства гибли на сибирской каторге.

Вспоминая те годы, Плеханов писал: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший на фронтовое ученье. Мы спрятали книгу и пошли в цехгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова глубоко врезались в мою память. Я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу».

Искусство учителя показать служение писателя народу художественным отражением жизни «во всей ее наготе и истине», со всеми подробностями, красками и оттенками действительности, пробуждением у читателя высокого патриотического благородного гражданского долга, завещанного еще Радищевым и Рылеевым, сыграло немаловажную роль в политическом воспитании Плеханова¹.

В 1873 году Плеханов поступил в Константиновское юнкерское училище, но осенью следующего года перешел в Петербургский горный институт. Первый год он учится весьма прилежно и подает на имя директора института прошение о назначении ему стипендии, ссылаясь на материальную необеспеченность.

Г. В. Плеханову назначили Екатерининскую стипендию. Однако в дальнейшем он прекращает занятия в институте, «уходит в политику», устанавливает связи с революционерами-народниками и активно пропагандирует бакунинские идеи среди студентов и рабочих. Учебный план второго курса он не выполнил и в 1876 году подал заявление об исключении его из списка студентов горного института. В том же году Плеханов выступил с публичной антиправительственной речью на демонстрации у Казанского собора.

Сестра его отмечает, что он был необыкновенно смел, отважен, неустрашим². Эти качества характера способствовали росту авторитета молодого революционера среди товарищей

¹ См.: *Александров И.* Один из первых учителей Плеханова.— Группа «Освобождение труда». М.—Л., 1926, сб. № 5, с. 37.

² См.: Группа «Освобождение труда», сб. № 1, с. 85.

по борьбе, особенно после его выступления у Казанского собора и перехода на нелегальное положение профессионального революционера, вынужденного все время скрываться от полиции. Жандармы извлекли из дела Воронежской военной гимназии фотографию Плеханова, приказали полиции его «сыскать, арестовать и немедленно доставить в III отделение». Плеханов вынужден уехать в Киев, где действовала сильная анархическая организация студентов и гимназистов. Оттуда переезжает в Ростов-на-Дону, занимается пропагандой бунтарства среди жителей донских казачьих станиц.

Плеханов с 1875 года стал народником, а после организации «Земли и воли» являлся одним из способных авторов и редакторов газеты землевольцев. В редакции начались споры из-за отношения к террору как к форме политической борьбы. Эти споры привели в 1879 году к резкому размежеванию в «Земле и воле», ее расколу и созданию Плехановым организации «Черный передел».

Преследования полиции вынуждают Плеханова в 1880 году покинуть родину. За границей он снова и снова перечитывает произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, жадно изучает западноевропейское рабочее движение, лично знакомится с лидерами социал-демократических партий Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции, Италии, Англии. Со многими вступает в переписку. С одними у него возникает дружба, продолжающаяся до конца жизни «дорогих его сердцу товарищей», с другими — идейный разрыв и переход «на разные стороны баррикады».

1881 — 1883 годы — время становления Плеханова как марксиста. Чтобы убедиться в этом, следует познакомиться с научной и литературной деятельностью Плеханова именно в эти годы.

Особого внимания заслуживает работа Г. В. Плеханова «Новое направление в области политической экономии», опубликованная в 1881 году в легальном демократическом журнале «Отечественные записки»¹. Эта работа объемом около 3,5 авторского листа представляет собой аналитическое, глубоко научное обозрение литературы по политической экономии того времени. В ней главное внимание уделяется новому направлению в экономической науке, занявшему прочные позиции в печати и университетах. В поле зрения автора находятся труды французских, бельгийских профессоров, отвергающих догмы классической политэкономии, называемой уже «старой школой». Не признавая Смита и Рикардо, новое направление называет себя «историко-реалистическим».

Плеханов начинает свое исследование с сочинений Д. Рикардо. Внимание экономистов было обращено тогда на решение «всех вопросов производства, обмена и распределения»². Написанное Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» напечатано в 1817 году, когда капиталистический способ производства только утверждался. Капиталистические противоречия и рабочий вопрос тогда еще не попадали в поле зрения экономистов.

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1922, т. 1, с. 3.

² См. там же, с. 169.

Адам Смит внес свой вклад в политическую экономию, отыскав «естественную норму заработной платы» (естественная цена труда — необходимые средства рабочим к существованию и продолжению своего рода). Ученые тех лет стояли на стороне буржуазии и отождествляли ее обогащение с историей обогащения всего общества¹.

В резко отставшей в своем экономическом развитии Германии, где 80 процентов населения занималось сельским хозяйством, и в еще более отставшей в промышленном отношении Австрии остро встал вопрос о сохранении и развитии национального производства. То было время, когда Франция, завоевав эти государства, стала заваливать их рынки своими товарами. Военные действия сопровождались борьбой промышленников, торговцев и ученых экономистов. Только после разгрома Наполеона и Венского конгресса в 1818 году был принят в Пруссии закон о пошлинах на ввоз и потребление иностранных товаров и торговых сношениях между провинциями государства. Этот закон защищал национальные интересы Германии. Английские экономисты, проповедовавшие свободу торговли, не устраивали прусскую буржуазию, и Фридрих Лист первым подверг систематической критике, хотя поверхностной и односторонней, классическую политэкономию. В своем труде «Национальная система политической экономии» он, по существу, изложил «учение о торговой политике», отразившей интересы национальной буржуазии.

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 172.

У Листа нашлись последователи, в один голос доказывавшие необходимость всестороннего учета экономических особенностей и интересов каждого государства (иными словами, интересов национальной буржуазии). Сущность тогдашних «экономических» споров Плеханов увидел в защите свободной торговли одними и утверждении необходимости покровительственного тарифа — другими. А жизнь выдвинула новый, рабочий вопрос. Его поставили восставшие лионские ткачи, английские чартисты, рабочие республиканской Франции. Антагонизм между буржуазией и рабочим классом нарастал. Капитализм в процессе самого своего развития обнаруживал «все новые и новые темные стороны этого способа производства»¹.

Торжествовала буржуазия, но это торжество, по словам Маркса, куплено было «исчезновением всех иллюзий февральской революции, разложением старой республиканской партии, разделением французской нации на две враждебные друг другу нации: нацию имущих и нацию работников»².

Появились промышленные и финансовые кризисы, приносившие огромные убытки.

Ученые разделились на два лагеря: одни продолжали восхвалять преимущества господствовавшего «естественного порядка» и отрицать противоречия между предпринимателями и рабочими, другие пытались примирить политэкономия капитала с требованиями рабочих. Плеханов называет имена этих ученых и

¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 187.

² Там же.

кратко знакомит читателей с сутью их негодных «научных» положений, иллюзий.

Всем этим псевдонаучным политэкономическим творениям Плеханов противопоставляет труды Карла Маркса. Он отмечает, что Маркса называли сухим и жестким, как силлогизм, ученым, но он с математической точностью и железной логикой доказал, что все измышления «новых» экономистов ничего не представляют собою действительно научного и верного. Георгий Валентинович приводит в своей работе научные доказательства того, как в связи с капиталистическим накоплением зарождается излишнее рабочее население или перенаселение. При этом он ссылается на немецкое издание второго тома «Капитала» (с. 653, 654, 671). И пишет, что «относительно излишнее рабочее население создает резервную армию труда» и «понижает заработную плату до последних возможностей». То есть идет накопление капитала и накопление нищеты.

Плеханов приводит примеры ожесточенных нападок и на старую школу экономистов, и на Маркса и высмеивает наивные и нелепые рассуждения представителей «новой школы» о теории ценности, созданной Марксом. Он дает также научное объяснение всех споров экономистов и возникновения различных новых школ. Все дело объясняется угрожаящим движением пролетариата; «дело шло уже не о том, верна ли та или другая теория, а о том, вредна или полезна, удобна или неудобна она для капитала» (К. Маркс) ¹.

¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 214.

Читая работу Г. В. Плеханова «Новое направление в области политической экономии», ни на минуту не забываешь, что она написана для легального журнала, что заставляло автора прибегать к сдержанности и эзоповскому языку. И несмотря на это, нельзя не восхищаться тем, с какой научной основательностью, глубоким полемическим остроумием автор критиковал тогда буржуазные политэкономические школы и находил возможность не просто противопоставить им К. Маркса, а познакомить читателей с одной из главных проблем экономической науки, разработанной Марксом, определить его достойное место в науке. Это был труд, пропагандирующий, излагающий экономическую теорию К. Маркса, защищающий его и наносящий разящие удары по всем враждебным марксизму буржуазным экономическим школам.

В последующие два года в том же журнале «Отечественные записки» появляется еще одна статья Плеханова — «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова»¹. Называя Родбертуса ученым, обладавшим огромной и разносторонней эрудицией, оригинальным и глубокомысленным писателем, Плеханов отмечает отсутствие надлежащей оценки его большинством коллег и совершенное игнорирование его творчества. Суждения о трудах Родбертуса даже немецких ученых более чем поверхностны. Так продолжалось до 70-х годов, а потом отношение к нему радикально изменилось. Его стали воспевать как самого оригинального представителя экономического со-

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 3.

циализма, ставя выше Лассалья, Маркса и Энгельса.

Г. В. Плеханов, тщательно изучив панегирики Родбертусу, вскрывает фальсификацию их авторами его учения. Их теории не имеют ничего общего с этим учением. В статье прославляющие Родбертуса экономисты называются катедер-социалистами (кафедральными социалистами). Автор статьи показывает, кто и в каких случаях хвалит ученого. Оказывается, это делают определенные «ученые» тогда, когда сравнивают учение Родбертуса, с одной стороны, и Карла Маркса — с другой, когда «с тем же рвением превозносят Родбертуса за счет Маркса»¹.

Перемена отношения консервативных и буржуазных писателей к Родбертусу лежит не в признании достоинств его творений, а в классовой борьбе, отразившейся на литературной судьбе этого экономиста, отмечает Плеханов. Родбертус выступил в науке одновременно с Марксом, Энгельсом и Лассалем. Тогда Родбертуса «замалчивали» как легкомысленного и опасного автора. Со временем *новое направление в экономической науке окончательно сложилось в стройную систему, самым полным выражением которой служит «Капитал» Маркса*. Вооруженность автора «Капитала» и его колоссальная ученость вынудили волей-неволей считаться с ним. Практическая деятельность Маркса с крайне неприятными последствиями для буржуазии и грозный характер европейского рабочего движения выражены в девизе: «Освобождение рабочих должно быть

¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 216, 217.

делом самих рабочих». Это заставило поискать из современников Маркса «более смиренного» ученого, и выбор пал на Родбертуса, который не разделял воззрений Маркса и объявлял себя консерватором¹. Родбертус был настоящей находкой для врагов марксизма, ибо он считал всякую политическую самодеятельность рабочих вредной.

Отчаянно тяжелым положение рабочих становится в периоды кризисов, спада производства. Но Родбертус, говоря о повышении заработной платы рабочим, одновременно ратовал за сохранение высоких доходов буржуазии и помещиков. Такое желание объяснимо: он сам был землевладельцем, а отсюда — реформистом и сторонником постепенного совершенствования буржуазного общества.

В заключение Г. В. Плеханов пишет о Родбертуса: «Смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску» с ними².

Таким образом, Плеханов первым выступил на страницах легальной русской печати пропагандистом и популяризатором экономических, исторических и философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, защитником их учения от самых различных буржуазных и мелкобуржуазных школ. И указанная его статья была направлена против оппортунизма в международном рабочем движении, пытавшегося не пустить пролетариат на дорогу сознательной, организованной и самостоятельной борьбы за революционное преобразование общества и стащить его на путь реформизма.

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения, т. 1, с. 218—219.

² Там же, с. 304.

Однако освещение данного этапа в жизни Плеханова нельзя закончить, не рассказав о переводе на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Начал он этот перевод в 1881 году, а в следующем году Манифест уже был издан. Перевод осуществлялся по немецкому изданию 1878 года, исправленному Марксом и Энгельсом и снабженному их предисловием. Вышедший Манифест Плеханов снабдил двумя приложениями: отрывком из работы К. Маркса «Гражданская война во Франции» и «Уставом Международного Товарищества Рабочих». Книга в русском переводе увидела свет в мае 1882 года.

Очень близкой по своему мировоззрению к Плеханову была *Вера Ивановна Засулич* (1849—1919). Она родилась в деревне Михайловке Гжатского уезда Смоленской губернии в семье отставного штабс-капитана, скончавшегося, когда Вере было три года. На попечении матери, мелкой помещицы, оказалось пятеро детей.

Первоначальное воспитание и образование Вера получила в доме своих близких родственников, а завершила его в одном из частных московских пансионов. Тяжелое впечатление производила на нее жизнь крепостных крестьян. Это впечатление усиливалось при чтении русской революционной поэзии — произведений Пушкина, Рылеева, Некрасова. Проникнутые состраданием к бедственному положению народа и ненавистью к самодержавию, они формировали у Веры революционное мировоззрение. Уже в девические годы она стала мечтать о «деле», «подвигах», «великой борьбе»

в стане «погибающих за великое дело любви». Вера жадно искала, ловила, запоминала слова, выражающие сочувствие к несчастным людям и отвращение ко всем притеснителям. Ее любимым стихотворением стала «Исповедь Наливайки». Оно звало на борьбу, на гибель во имя свободы:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первым восстает
На угнетителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю! ¹

Вера знала судьбу автора стихотворения — Кондратия Федоровича Рылеева, руководителя левого крыла Северного общества декабристов. Он погиб на виселице в числе пяти руководителей декабрьского вооруженного восстания 1825 года против самодержавия и крепостничества. Позже Вера писала, что семнадцатый год ее жизни — это время, когда она окончательно решила бороться за счастье людей.

Она уже прочитывает «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, увлекается созданием швейных ассоциаций. Но дело у нее не пошло — девушки-швей не проявляли трудового энтузиазма, ленились, артели поэтому разваливались ².

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Л., 1951, т. 1, с. 533.

² См.: Засулич В. Воспоминания. М., 1931, с. 18—19.

Веру Ивановну влечет к себе Петербург, как привлекал он всю молодежь, пробуждавшуюся к сознательной деятельности; город казался ей «издали, из провинции... лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности».

В 1868 году она участвует в молодежных сходках, знакомится с С. Г. Нечаевым. Тот взял ее адрес для конспиративной переписки. Он действовал тогда как «один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза анархистов», что подтверждалось печатью и подписью Бакунина.

С подозрением относилась Засулич к темным делам Нечаева. Когда же им было совершено злодейское убийство одного из членов своего кружка — Иванова, начались аресты среди молодежи. Арестовали и Веру Ивановну, заключив ее в Литовский замок. А потом она была переведена в Петропавловскую крепость, где почти два года томилась в одиночном каземате, без суда и следствия. Освободили, а через несколько дней снова арестовали и в административном порядке отправили в ссылку сначала в Крестцы, затем — в Тверь, Солигалич. Оттуда перевезли под надзор полиции в Харьков. Около двух лет она находилась здесь. В 1875 году самовольно покидает Харьков и переходит на нелегальное положение профессиональной революционерки. Принимает деятельное участие в организации поселений «в народе» членов киевского кружка бакунистов, дабы поднять массы на бунт. При разгроме этого кружка Вера Ивановна избежала ареста и осенью 1877 года переехала в Петербург, где подготовила и

провела террористический акт против петербургского градоначальника Трепова. Это событие взволновало не только Петербург, всю Россию, но и широкие круги общественности за рубежом. Вера Ивановна вошла в приемную Трепова и, подавая ему «прошение», выстрелила в него из пистолета. Ее схватили, жестоко избили, связали и отправили в тюрьму. Началось следствие. Выяснилось, что во время демонстрации в декабре 1876 года у Казанского собора был арестован студент А. Емельянов (его осудили на 15 лет каторги). Во время прогулки на тюремном дворе студент встретился с Треповым и не поклонился ему. Взбешенный таким непочтением к своей особе градоначальник с кулаками набросился на студента и приказал высечь его розгами. За дикий произвол, жестокость Вера Ивановна и наказала деспота своим выстрелом. Ее предали окружному суду с участием присяжных заседателей.

Александр II и министр юстиции Пален оказывали давление на председателя окружного суда, прогрессивного деятеля А. Ф. Кони, но председатель держался независимо, с чувством высокого человеческого достоинства. Государственный обвинитель — товарищ прокурора Кессель был слабой, посредственной личностью, неспособной к возложенной на него жестокой и сложной миссии. Зато защитник Веры Засулич — присяжный поверенный П. А. Александров оказался человеком не только умным, достойным, но и необычайно предусмотрительным и всесторонне знающим судебную практику. Он глубоко изучил дело Веры Засулич, взвесил все обстоятельства,

могущие повлиять на заседателей, отвел из их состава 11 человек, которые могли пойти за обвинителем, наметил новый состав коллегии заседателей. Защитник тщательно изучил состав присутствующих лиц в зале, среди которых было много царских сановников, не терпевших градоначальника.

Хорошо подготовилась к процессу и Засулич. Она держалась скромно, на все вопросы отвечала спокойно, чистосердечно. Ее рассказ о своей тяжелой жизни, безвинном заключении в крепость, беспричинном пребывании в ссылке нельзя было слушать без чувства глубокого волнения. Но самое сильное впечатление на суд и присутствующих в зале произвело ее объяснение мотивов покушения на жизнь Трепова.

— Я решилась,— говорила Вера Ивановна на суде,— хоть ценою собственной гибели, показать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью, я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Я не видела другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать¹.

Затем выступил защитник Александров. Он не столько защищал Засулич, сколько обвинял Трепова и порядки, допускающие поступки, подобные поступкам градоначальника. Защитник протестовал против царившего произвола и бесправия, обращая внимание на мужество подсудимой. Он сказал:

¹ *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. В 8-ми т. М., 1966, т. 2, с. 13.

— Без упрёка, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратили возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва. Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников¹.

Заседателям потребовалось меньше десяти минут, чтобы единогласно принять решение и трижды произнести: «Нет, не виновна».

Огромная толпа студентов, курсисток, рабочих целый день ждала у здания окружного суда приговора. И вот приговор объявлен: Засулич оправдана! Когда она вышла из судебного помещения вместе с защитником, их подняли и с триумфом пронесли через толпу. Веру Ивановну в карете увезли домой и сразу же устроили на конспиративную квартиру, а вскоре нелегально отправили за границу.

При разгоне толпы, демонстрировавшей свою любовь к В. И. Засулич и глубокое уважение к защитнику, погиб студент Сидорацкий. Панихида по нему превратилась в политический митинг, на котором народоволец Николай Лопатин произнес здравицу в честь суда присяжных и призвал молодежь:

— Последуем же примеру Засулич и будем сами расправляться с притеснителями!²

¹ См.: *Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т., т. 2, с. 14.*

² См. там же, с. 17.

Вера Ивановна Засулич стала популярным человеком не только в Петербурге, Москве, но и во всей стране. Л. Н. Толстой писал тогда: «Засуличевское дело... — не шутка. Это похоже на провозвестие революции». В. Г. Короленко, много лет пробывший в тюрьмах и ссылках, сказал о суде над Засулич так: «Оправдательный вердикт присяжных довел общий восторг до кипения. Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»¹.

Широкий отклик получило «дело» Засулич за границей. Это отметил Ф. Энгельс: оправдание «героической гражданки» Засулич вызвало громкий резонанс на Западе. Один из французских ежемесячников писал: «В несколько мгновений она стала знаменитостью... В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфильде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом»².

А Вера Ивановна оставалась такой же скромной и неутомимой в борьбе. Ее сознание, ее сердце по-прежнему были поглощены заботой о родине, народе, о тех, кто погибал «за великое дело любви».

Не преминул откликнуться и царь. Он приказал оправданную судом «дочь отставного капитана девицу Веру Ивановну Засулич взять под стражу и содержать ее в Доме предварительного заключения впредь до особого распоряжения»³. Не получилось у «их величе-

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т., т. 2, с. 19.

² Там же.

³ Дело В. И. Засулич. Л., 1925, с. 31.

ства» — революционеры знали подлость повелителя, и Вера Ивановна уже была за рубежом, так что «взять под стражу» ее и содержать «впредь до особого распоряжения» царские сатрапы не смогли.

В 1879 году она возвратилась в Россию, участвовала в воронежском съезде «Земли и воли».

В. И. Засулич некоторое время оставалась с народовольцами, затем участвовала вместе с Г. В. Плехановым в создании группы «Черный передел», вела в ней активную работу. Потом перебралась за границу и, выполняя там поручения «Черного передела», вместе с П. Л. Лавровым возглавляла заграничный отдел Красного Креста «Народной воли», собирала в Европе и Соединенных Штатах Америки средства для политических заключенных и ссыльных.

Живя в Швейцарии, Засулич, как и все передовые деятели освободительного движения, жадно ищет правильную теорию, изучает произведения западноевропейских деятелей рабочего движения, особенно К. Маркса и Ф. Энгельса. Она первой из чернопеределовцев вступает в переписку с Марксом по важнейшим проблемам русской истории, аграрному вопросу, крестьянской общине¹. У нее завязывается также деловая переписка с Энгельсом. С ним она потом часто встречалась как с учителем, мудрым старшим товарищем.

С 1881 года Засулич объявляет себя ученицей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Это

¹ См.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, с. 240—242.

сближает ее и с Плехановым, другими черно-передельцами, овладевавшими марксизмом — самой передовой революционной идеологией. И вместе с ними она участвует в образовании группы «Освобождение труда», становится переводчицей и распространительницей трудов основоположников научного социализма, неутомимой пропагандисткой их экономической, исторической и философской теории.

Вера Ивановна перевела на русский язык и подготовила предисловие к работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», сделала перевод труда К. Маркса «Нищета философии». Ею написан и издан очерк истории I Интернационала, написаны оригинальная книга «Жан Жак Руссо» и целая серия литературно-критических статей и очерков о героях «Народной воли» и «Черного передела».

Чтобы установить более тесные связи с действовавшими марксистскими кружками и группами, В. И. Засулич в 1899 году нелегально приехала в Россию. Она познакомилась с возвратившимся из сибирской ссылки В. И. Ульяновым (Лениным), принимала участие в организации и редактировании первой общерусской газеты «Искра»; активно выступала на ее страницах со статьями против «экономистов» и ревизионистов.

Значительную роль в переходе к марксизму и в создании первой российской марксистской группы за рубежом сыграл замечательный русский революционер *Василий Николаевич Игнатов* (1854—1885), отдавший борьбе за распространение и утверждение марксизма в России все средства, все силы и жизнь.

Василий Николаевич родился в состоятельной семье купца 1-й гильдии города Белева Тульской губернии. Дети рано лишились матери. Отец занимался торговыми делами, постоянно находился в разъездах. Воспитывать детей ему было некогда.

После окончания гимназии Василий Николаевич в 19-летнем возрасте поступил в Петербургский технологический институт, но вскоре оставил его и перешел в Медико-хирургическую академию, где в те годы среди студентов активно действовали революционные народники. Игнатов сразу же включился в их работу. Скоро он познакомился с Плехановым и до конца своих дней не порывал с ним дружбы и совместного поиска правильного революционного пути. За участие в митинге на площади Казанского собора его выслали в родной Белев. Затем ему разрешили вернуться в Петербург и возобновить занятия в академии.

Отец, а после его смерти — дядя довольно щедро обеспечивали Василия деньгами на жизнь и учебу. Однако он жил крайне бедно, экономя деньги на квартире, питании, одежде, отдавая все, что мог, на нужды революционного дела.

Его брат Илья и сестры Евдокия, Лидия и Мария жили и учились в Москве. Василий иногда приезжал сюда, но останавливался всегда на конспиративных квартирах, чтобы в случае ареста не скомпрометировать родных. «Вообще он был очень осторожен, предусмотрителен»¹, — пишет Евдокия Николаевна. Се-

¹ Группа «Освобождение труда», сб. № 1, с. 105.

стер и брата Василий также вовлек в революционную борьбу.

При расколе «Земли и воли» Василий Николаевич вступил в группу «Черного передела», вел в ней активную работу и поддерживал своими денежными средствами типографию и товарищей, не имевших источников для существования. В конце 1880 года он заболел тяжелой формой туберкулеза. Врачи направляют его в Крым, а оттуда в Египет. Здесь он прожил зиму 1880/81 года, окреп. Из Египта Игнатов перебирается в Палермо, потом — на французскую Ривьеру, чтобы быть ближе к товарищам, с которыми еще в Петербурге занимался изучением «Капитала» К. Маркса. Сестра его Евдокия Николаевна писала в 1923 году: «До сих пор помню, как изумительно хорошо он знал и толковал трудные места этого произведения». Она же пишет, что брат получал много литературы и «очень интересовался ходом рабочего движения, а также политической жизнью европейских стран, в частности Франции и Германии»¹.

В. Н. Игнатов был единомышленником Г. В. Плеханова в вопросе о необходимости проведения агитационной работы среди крестьян в целях подготовки народных восстаний. Но он так же, как и Плеханов, был против террора.

Летом 1881 года Игнатов восстановил связи со своими сподвижниками по «Черному переделу». Дейч и Стефанович решили вернуться из Швейцарии в Россию для сотрудничества с народовольцами. Деньги на дорогу обещал

¹ Группа «Освобождение труда», сб. № 1, с. 108.

им Игнатов. Обратились за советом к Плеханову.

— Если я правильно понял вас,— ответил с юмором Георгий Валентинович,— вы желаете бракосочетаться с народовольцами, получив приданое от Василия Николаевича,— этому намерению я не сочувствую.

Прожив то лето в Швейцарии, Игнатов под осень переехал опять на юг Франции — на Ривьеру. Но он участвует во всех революционных делах, ведет переписку с товарищами по наиболее острым вопросам, к нему едут за советами. Василий Николаевич постоянно был в курсе всех событий и новостей, занимал в решении проблем правильную и твердую позицию. Например, он решительно выступил против объединения с народовольцами (особенно не доверял Тихомирову, который-таки оказался потом предателем, перебежчиком в стан реакции, превратился в полицейского агента). Игнатов был сторонником быстрейшего создания марксистской самостоятельной группы и начала ее активной деятельности по изданию произведений Маркса и Энгельса.

Сподвижником Г. В. Плеханова стал тогда также *Лев Григорьевич Дейч* (1855—1941). Как и Игнатов, он вырос в состоятельной семье купца 1-й гильдии. В своих воспоминаниях Дейч говорит об особой роли матери в пробуждении его политического сознания. Она родилась в Тульчине, где сформировалось «Южное общество» декабристов, знала имена Пестеля, Муравьевых-Апостолов, слышала от старших своих земляков рассказы о декабристах и передавала их детям. Позже, когда Дейчу приходилось читать о декабристах, в

его памяти «тотчас воскресали рассказы о них матери».

Отец его, занимавшийся интендантскими подрядами, в Крымскую войну быстро разбогател, а потом так же быстро разорился и скрывался от долгов с подложным паспортом, оставив семью в тяжелом положении. Нежданно пришедшая бедность заставила мальчика более серьезно задумываться о жизни. В возрасте 13—14 лет он уже был знаком с романом Н. Чернышевского «Что делать?» и знал о горестной судьбе автора. Читает русских писателей и поэтов А. Пушкина, Н. Некрасова, Н. Добролюбова, Д. Писарева, И. Тургенева и зарубежных ученых Ф. Лассалья, Д. Милля, Бокля и других.

Дейчу очень хотелось после гимназии поступить на медицинский факультет университета и стать врачом. Но увы — нужда заставляет его выбрать другой путь. Ему предоставили место домашнего учителя в усадьбе арендатора крупного имения в Киевской губернии. Там впервые собственными глазами увидел нищету и непосильный труд крестьян, надрывавшихся летом на полевой страде, а осенью и зимой — на водочном заводе. К этому времени он прочитал «Исторические письма» П. Миртова, «Азбуку социальных наук» и «Положение рабочего класса в России» В. Флеровского, познакомился со статьями Н. Михайловского из «Отечественных записок», с некоторыми произведениями М. Бакунина и П. Лаврова.

Дейч решает вернуться в Киев и примкнуть там к революционному кружку бакунинцев, в который, он знал, входил П. Аксельрод. Но

кружок был уже частично разгромлен, Аксельрод скрылся за границу, а его ближайшего товарища по кружку — С. Лурье арестовали. Однако через невесту Лурье ему удастся познакомиться с одним из участников кружка. Тот раскрывает перед ним основные идейные и тактические направления революционного народничества. Дейч увлекается идеей «хождения в народ», изучает столярное дело и пытается вести просветительную работу среди рабочих. Но уставшие за день от изнурительного труда рабочие почти не слушают его и мало-помалу перестают посещать занятия. Тогда Дейч принимает участие в организации широкого «хождения» народников Киева в села, а когда «хождение» кончилось провалом, он в числе тех, кто готовится к длительному поселению в народе для пропаганды народнических идей. Несмотря на неудачи, Дейч оставался активным деятелем «Земли и воли» до ее раскола, а потом входил в руководящее ядро «Черного передела».

Павел Борисович Аксельрод (1850—1928). Он родился в мелкобуржуазной семье в Могилевском уезде Черниговской губернии. Успешно окончил Шкловскую начальную школу. Затем поступил в Могилевскую гимназию. За годы учебы в старших классах гимназии Павел увлекался чтением И. Тургенева, В. Белинского, Н. Добролюбова, Р. Бернса. Впоследствии, видимо уже в студенческие годы, он познакомился с произведениями Н. Чернышевского, Д. Писарева, оказавшими на него идейное влияние.

По окончании гимназии Аксельрод поступает в Нежинский юридический институт. Здесь по-

таенно ходили по рукам запрещенные книги, и он знакомится с творчеством Ф. Лассаля. Из трудов Лассаля, видимо, впервые узнал о возможности освободить народ от темноты и невежества, от нищеты и угнетения, о великой роли в этом освобождении рабочего класса. Знакомство с произведениями Лассаля, германского мелкобуржуазного социалиста, составило у молодого, еще не искушенного в жизни и политике Аксельрода иллюзорное представление о «хождении в народ». Летом 1872 года он переезжает в Киев и создает тайный кружок из плотников, столяров, ведет в нем пропаганду в духе Лассаля и Бакунина. Одновременно устанавливаются связи с революционерами других городов: А. Желябовым (Одесса), Н. Чарушиным (Петербург). В Киев приезжают для революционной работы В. Лопатин, Я. Стефанович и некоторые другие народники. Вскоре полиция произвела среди них массовые аресты.

Аксельроду удается нелегальным путем переправиться за границу. Он поселяется в Берлине, где изучает социал-демократическую литературу, посещает рабочие собрания, слушает речи В. Либкнехта, Ф. Лассаля. Из Берлина Аксельрод переезжает в Женеву, там знакомится наиболее обстоятельно с трудами М. Бакунина и вступает в кружок бакунистов.

А летом 1875 года он возвращается в Россию, устанавливает связи с кружком Натансона. С последним он знакомит Плеханова. Через два года Аксельрод опять за границей, в Женеве, где участвует в подготовке к изданию, а затем в самом издании журнала землевольцев «Община». Журнал выходил в те-

чение только одного 1878 года. Его делами занимались кроме П. Аксельрода Н. Жуковский, Д. Клеменц, З. Ралли. В «Общине» активно сотрудничал и Сергей Кравчинский, опубликовавший на его страницах немало своих талантливых произведений. Сотрудничество Аксельрода в «Общине» обогатило его журналистским опытом и расширило круг связей в среде революционного подполья. Однако позиция, которую занимал Аксельрод в редакции журнала, напоминает позицию Лаврова по отношению к Марксу и Бакунину, которых он стремился во что бы то ни стало примирить путем отказа от занимаемой ими принципиальной позиции. Да и сам пытался в статьях, опубликованных в «Общине», преодолеть кризис «Земли и воли», неудачи в революционном движении путем перехода всех на сторону Бакунина.

Единственной положительной идеей, высказанной им в этот период, было установление живой связи между участниками в революционном процессе России. Причем, высказывая эту важную мысль, имеющую практическое значение, Аксельрод допускал ошибку, противопоставляя борьбу за социализм политической борьбе. Не случайно позже меньшевики, особенно А. Потресов, возвеличивали Аксельрода как своего единомышленника.

Об идейной незрелости Аксельрода свидетельствовало и содержание его речи на социалистическом конгрессе в 1881 году, произнесенной под псевдонимом Александров. Он утверждал, что «русские социалисты» занимают в отношении к разногласиям между социал-демократами и анархистами в европейско-американской

риканском движении положение нейтральное. И это сказано почти 10 лет спустя после того, как, по материалам и настоянию Русской секции I Интернационала, Бакунин и его анархо-последователи были исключены из Интернационала.

К 1883 году взгляды Аксельрода уже изменились. Он идейно сблизился со всеми черно-передельцами, перешедшими или еще только совершавшими переход к марксизму. Стал членом группы «Освобождение труда».

ЧТОБЫ ОТДАТЬ ВСЕ СИЛЫ...

Известие об образовании группы «Освобождение труда» и окончательном ее разрыве «со старыми анархическими тенденциями» появилось в сообщении «Об издании «Библиотеки современного социализма». Оно датировано 25 сентября 1883 года. Место нахождения группы — город Женева¹.

Перед тем как объявить о создании группы «Освобождение труда», было проведено совещание, в котором принимали участие Г. В. Плеханов, его жена Р. М. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, В. Н. и И. Н. Игнатовы. (П. Б. Аксельрода на этом совещании не было.) Обсуждался вопрос о создании марксистской группы, ее задачах и программе. В конце совещания решили, чтобы члены группы отдали все свои силы работе в ней. Однако Розалия Марковна Плеханова и Илья Николаевич Игнатов заявили о невозможности по-

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923, т. 2, с. 22.

святить себя целиком деятельности группы до завершения ими медицинского образования. Василий Николаевич Игнатов «выразил полную свою готовность вступить в число членов первой марксистской группы». Сказал при этом, что он отныне связывает себя «со всеми... задачами, надеждами, тревогами и опасениями за... дальнейшую судьбу» членов группы.

Публикация «Об издании «Библиотеки современного социализма» носила характер изложения программы новой группы, ее целей. В качестве исторической задачи провозглашалась борьба с абсолютизмом, за развитие рабочего класса, его подготовку к правильным, сознательным действиям. Важнейшая роль в ее выполнении отводилась социалистической пропаганде среди трудящихся масс России, которую должна была вести русская революционная интеллигенция.

Группа считала: для правильной постановки пропаганды необходима рабочая литература, просто, сжато и толково излагающая научный социализм и выясняющая главные социально-политические задачи «современной русской жизни, с точки зрения интересов рабочего класса»¹. Выпуск такой литературы немислим без усвоения самой революционной интеллигенцией современного социалистического мировоззрения, без отказа от устаревших взглядов, программ и учений, без критики их. Этим целям и должна служить «Библиотека современного социализма», к изданию которой приступали члены группы.

¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. 2, с. 21.

В заявлении группы осуждалось невнимание русской революционной интеллигенции к задачам «организации рабочего класса и пропаганде социализма в его среде», а также то, что «разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России». Группа обращалась ко всем кружкам и лицам на родине за сочувствием и поддержкой, призывала их к организации взаимных сношений и совместной выработке полной программы работы для общего дела.

Заявление указывало на два главных пункта задачи, поставленной перед издателями «Библиотеки современного социализма»:

1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России¹.

Так передовые люди своего времени сделали первый шаг к превращению марксизма в господствующее политическое, неустанно растущее течение, к превращению его в значительную, всепобеждающую силу общественно-политической жизни страны.

Одна из самых трудных задач, которые пришлось решать группе,— устройство типографии. Без нее нельзя было распространить в

¹ См.: Плеханов Г. В. Сочинения, т. 2, с. 21—23.

России переведенные на русский язык труды основоположников научного социализма и собственные работы, пропагандирующие на родине идейно-теоретическое направление группы.

Создание своей типографии заняло больше всего сил и времени на первом этапе. Велись переговоры с народовольцами, у которых были свои типографии, оставшиеся еще от «Земли и воли», шел обмен с ними письмами. Обсуждалась возможность выпуска объединенного периодического органа, где печатались бы труды группы без искажения. И все это кончилось ничем. Землевольцы П. Лавров и особенно Л. Тихомиров всячески затягивали переговоры и явно показывали свое нежелание сотрудничать с группой «Освобождение труда».

Выручил Василий Николаевич Игнатов, отдавший почти все свое состояние, доставшееся в наследство от отца, «Земле и воле» и «Черному переделу». Но группе надо было приобрести типографию, нанять наборщиков и печатников. Вспомнили, что в Женеве еще сохранялась типография А. Трусова, одного из деятелей Русской секции I Интернационала. Он когда-то принимал участие в издании журнала, а потом и газеты «Народное дело». Решив купить эту типографию, группа еще раз обратилась к Игнатову за денежной помощью. И он выделил «из своего неприкосновенного фонда» необходимую сумму¹.

Типографию приобрели. Это позволило группе отпечатать отдельной листовкой объявление об издании «Библиотеки современного социализма». Но, заведя свою типографию, члены

¹ См.: Группа «Освобождение труда», сб. № 1, с. 14—16.

группы столкнулись и с другими сложными проблемами обеспечения издания. Наборщики в типографиях Швейцарии получали за набор на французском или немецком.

Группа набрала штат типографии из своих единомышленников, бывших наборщиков «Черного передела», и установила для них пониженные ставки, обеспечивавшие лишь прожиточный минимум. При более чем скромной оплате труда всех работников группа «Освобождение труда» развернула и провела поистине колоссальную работу.

«Библиотека современного социализма» за время с 1883 по 1900 год вышла в двух сериях, причем некоторые книги были выпущены несколькими изданиями. В первую серию вошли 10 книг, в том числе труды К. Маркса — «Речь о свободе торговли», «Нищета философии», Ф. Энгельса — «Развитие научного социализма»¹, Г. Плеханова — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Фердинанд Лассаль», «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России», В. Засулич — «Очерк истории Международного Общества Рабочих». И еще одна работа вышла в этой серии как коллективный труд, без указания автора: «Чего хотят социал-демократы?» Во второй серии изданы произведения Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии» (с предисловием Г. Плеханова) и книга «Фридрих Энгельс о России».

¹ Позже название этой работы было переведено как «Развитие социализма от утопии к науке».

В. И. Ленин дал весьма высокую оценку деятельности группы «Освобождение труда» по переводу и изданию произведений Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Статью «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» он сопровождает списком литературы, в котором после «Манифеста Коммунистической партии» указывает: «...полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»¹.

Группа издала также «Рабочую библиотеку», составленную из нескольких весьма интересных и актуальных работ. Среди них — «Речь Петра Алексеева», «Варлен перед судом исправительной полиции» В. Засулич, «Ежегодный всемирный праздник рабочих» Г. Плеханова, «Первое мая и адрес петербургских рабочих Шелгунову» (с предисловием Г. Плеханова), «Машина» Д. Кольцова, «Рабочий день, переделка с польского».

Кроме этих двух серий библиотеки группа выпустила до 1900 года 25 книг под рубрикой «Издания русских социал-демократов», рассчитанных на рабочего читателя. Среди них особый интерес вызывают работы Г. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», «Всероссийское разорение», «Новый поход против русских социал-демократов», «В. Г. Белинский», а также популярные брошюры других авторов: «Материалы для характеристики положения русской земли», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему»,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 83.

«Десятилетие Морозовской стачки», «О штрафах», «Рабочий день», «Новый фабричный закон».

Отдельно вышли литературно-политический сборник «Социал-демократ» (Женева, 1888 г.) и еще четыре книги под общим названием «Социал-демократ. Литературно-политическое обозрение» (кн. 1 — февраль 1890 г., кн. 2 — август 1890 г., кн. 3 — декабрь 1890 г., кн. 4 — 1892 г.). Первая книга была издана в Лондоне, остальные три — в Женеве.

В серии «Издания русских социал-демократов» был выпущен по инициативе В. И. Ленина неперIODический сборник «Работник» (6 номеров в трех книгах) и 10 номеров «Листка «Работника».

Перевод, издание и распространение группой «Освобождение труда» произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и публикации членов группы по вопросам идеологии, международному и российскому революционному движению оказывали большое воздействие на пропаганду марксизма, вооружение социал-демократов России самой передовой теорией — теорией научного социализма.

Г. В. Плеханов подготовил два проекта программы группы «Освобождение труда»: один — осенью 1883 года, а другой — в 1885 году. Последний был уже несколько усовершенствованным. В 1888 году он вышел под названием «Проект программы русских социал-демократов». В нем указывалось, что «русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала». Достижение такого освобождения предусматривает переход в об-

ществленную собственность всех средств и предметов производства, замену товарного производства плановым общественным производством, удовлетворяющим потребности и целого общества, и каждого его члена соответственно уровню развития производительных сил в данное время.

Говоря о главных средствах политической борьбы против абсолютизма, Плеханов в этом проекте программы отводит важную роль распространению через агитацию «социалистических идей и революционных организаций», установлению их тесной связи, их способности в удобный момент перейти к общему, решительному нападению на царское правительство.

Конечной целью политической победы рабочей партии над абсолютизмом ставилось завоевание демократической конституции. Здесь подробно перечисляются конституционные права граждан:

— право избирать и быть избранным в Законодательное собрание, в провинциальные и общинные органы власти;

— денежное обеспечение народных представителей, выбранных из бедных классов населения;

— всеобщее светское, даровое и обязательное образование, снабжение государством бедных детей пищей, одеждой, учебными пособиями;

— неприкосновенность личности и жилища граждан;

— неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний и ассоциаций;

— свобода передвижения и занятий;

— полное равноправие граждан;

— замена постоянного войска всеобщим вооружением народа;

— пересмотр всего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Программа группы, однако, не лишена была существенных недостатков и даже ошибок. Группа не выразила своего отношения к буржуазии как контрреволюционной силе и к крестьянству как единственному возможному союзнику пролетариата в предстоявшей буржуазно-демократической революции.

Правда, в программе сказано, что силой, способной положить конец царству капитализма, «явится рабочая партия и увлеченная... беднейшая часть крестьянства». Но в статье «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов», написанной несколько позже программы, Плеханов говорит: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»¹.

В программе содержатся еще народнические иллюзии о производственных ассоциациях. Многие ее положения абстрактны и расплывчаты, противоречивы в постановке требований. Но это был для своего времени документ, в котором впервые в истории освободительного движения России ставился вопрос об особой исторической роли рабочего класса, о завоевании им власти и необходимости широких революционно-демократических преобразований в

¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. 3, с. 119.

стране, об оказании рабочим классом помощи крестьянам.

В проекте программы группы выдвигалось требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ», а также предоставления права крестьянам отказываться от надела и выходить из общины.

В. И. Ленин высоко ценил постановку аграрного требования в программе и широкую разработку, аргументацию Плехановым в ряде его работ решения крестьянского вопроса в период деятельности группы «Освобождение труда». В статье «Аграрная программа русской социал-демократии», опубликованной в августе 1902 года в «Заре», Владимир Ильич отметил, что «русские социал-демократы признавали всю важность «крестьянского вопроса» с самого уже своего появления на свет в качестве особого направления»¹. И в качестве доказательства своей мысли он напоминает проект программы группы «Освобождение труда».

Но вместе с тем Ленин усматривал ошибочность этой программы: «...ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии»².

Аграрный вопрос ставился первыми русскими социал-демократами не только в проекте

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 306.

² Там же, т. 16, с. 232.

программы. Социал-демократическая политика по аграрному вопросу нашла освещение и в трудах Г. В. Плеханова, например в брошюрах «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» (1891—1892 гг.), «Всероссийское разорение». В них также говорилось о громадной значимости крестьянского вопроса, допускалась мысль о возможности и «черного передела» в предстоящем демократическом перевороте. Он «дал бы громадный толчок развитию капитализма, росту внутреннего рынка, поднятию благосостояния крестьянства, разложению общины, развитию классовых противоречий в деревне, ликвидации всех следов старой, крепостнически-кабальной России»¹. Плехановскую ссылку на «черный передел» Владимир Ильич считал особенно важной, ибо она со всей очевидностью показывала правильную теоретическую постановку социал-демократами аграрного вопроса в России, которой они придерживались всегда².

Издание литературы за границей поставило перед группой «Освобождение труда» ряд сложных задач: как переправлять литературу в Россию? Через кого ее там распространять? Каким образом обеспечить поступление новых средств на содержание редакции, авторов и всех работников типографии? Так или иначе решение этих задач находили. Например, брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и работу Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» (в переводе В. И. Засулич) заделывали в переплеты легальных книг и посылали в Россию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 242.

² См. там же.

А как быть с распространением изданий группы на родине, с присылкой информации, необходимой для печати? Решили послать в Россию специального агента. Выбор пал на Гринфеста, давно связанного с товарищами, работавшими в типографии «Черного передела». Ему поручили организовать тайную переправу изданий группы через границу, а там, на родине, создать кружки, сочувствующие группе, от них затребовать присылку делегатов для переговоров о совместной работе.

Гринфеста переименовали в Финстера, чтобы он не попал в руки полиции как бывший сотрудник типографии чернопередельцев, и отправили его на выполнение поставленных задач, снабдив книгами: «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Наемный труд и капитал» Маркса, «Развитие научного социализма» Энгельса, «Программа работников» Лассалья, «Социализм и политическая борьба» Плеханова. Были там и книги из «Библиотеки современного социализма» и «Социально-революционной библиотеки».

Немалые трудности встретились при изыскании средств для выпуска литературы. Члены группы «Освобождение труда» стали вспоминать о друзьях и знакомых, которых можно было бы использовать для оказания материальной помощи группе и в то же время для распространения ее изданий. Послали письмо в Дрезден студенту Политехнического института О. Слободскому (по кличке в революционной среде Дрезденский Юноша). Он быстро ответил на письмо и помог группе не только деньгами, но и пересылкой литературы. Слободской оказался убежденным марксистом.

Еще одним помощником группы стал Л. Городище, фигурировавший в кругу товарищей под псевдонимом Кенигсбергский Студент. Он, как правило, отправлял литературу в чемоданах с двойным дном. Ему однажды не повезло — его секрет был раскрыт полицией, и он спасся от ареста бегством за границу.

На помощь группе пришел и Людвиг Янович. Тот снабжал ее информацией о положении в России, о настроениях молодежи. Помог группе и деньгами. Став революционером, за подпольную работу был заключен в Шлис-сельбургскую крепость.

Группа не ограничивалась только печатной пропагандой. Ее члены для многочисленных русских, учившихся в Швейцарии, читали лекции о марксистской теории и российском революционном движении, о социал-демократах Западной Европы. Большим успехом пользовались выступления Г. В. Плеханова. Целых четыре вечера он излагал, например, историю «Земли и воли». Его стали приглашать из Женевы на чтение лекций в Берн, Цюрих. С трудом он выкраивает время, но выполняет просьбы. Как-то Георгий Валентинович выбрал время и совершил поездку по Швейцарии, прочитал серию лекций и привлек на свою сторону много молодых людей.

Плехановские лекции знакомили слушателей и с историей освободительного движения в России, и с деятельностью марксистов в Западной Европе. Они способствовали созданию среди русской учащейся молодежи кружков для изучения марксизма, а также кружков действия группе «Освобождение труда». Такие кружки были образованы в Цюрихе, Берне и

во многих других местах. На помощь группе приходили и бывшие знакомые ее членов по деятельности киевского, одесского, петербургского и других кружков «бунтарей».

Жили члены группы как бы одной семьей. Обычно обедать к Плехановым приходили В. И. Засулич и Л. Г. Дейч. За обедом обсуждали свои дела, спорили, приходили к общему мнению. Несмотря на крайние материальные затруднения (долги по расходам типографии, отсутствие денег на жизнь), настроение у всех было хорошее. Его усердно всегда поддерживал Плеханов, который, по обыкновению, сыпал остротами, заставляя других покатываться со смеху, когда всякому другому на его месте было бы не до шуток.

НА ПОДЪЕМЕ

Постепенно положение группы «Освобождение труда» улучшалось. Всех ее членов радовало, что в стране нарастало рабочее движение, во имя которого они и трудились. В 1881—1884 годах стачки вспыхивали то в одном, то в другом городе. Иногда они охватывали целые отрасли промышленности.

Важнейшим событием в рабочем движении явилась Морозовская стачка 1885 года, подготовленная и организованно проведенная под руководством выдающегося рабочего революционера, впоследствии коммуниста Петра Моисеенко. Подростком он начал нелегкую жизнь рабочего, трудился в Москве, Орехово-Зуеве, Петербурге. В столице он познакомился с Плехановым и вступил в революционный кружок. «Благодаря Плеханову,— писал Моисеенко в

своих воспоминаниях,— я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе»¹.

Еще в 70-е годы Моисеенко участвовал в стачке на фабрике Шау, в демонстрации у Казанского собора. В 1878 году он познакомился с Халтуриным и Обнорским и вместе с ними создавал «Северный союз русских рабочих». За революционную деятельность в том же году Моисеенко был выслан в Смоленскую губернию, откуда вскоре возвратился в столицу. А в следующем году он — один из организаторов забастовки на Новой бумагопрядильной фабрике, шел в первых рядах забастовщиков. Но напала полиция и конная жандармерия. Его схватили и по приговору царского суда (после 17 месяцев тюремного заключения) сослали в Восточную Сибирь. В тюрьме и ссылке Моисеенко продолжал много читать, участвовал в политических спорах, вырабатывал революционное мировоззрение.

Вернувшись из ссылки в 1883 году, он поселился в Орехово-Зуеве и устроился работать ткачом на Никольскую мануфактуру купца Тимофея Морозова. На мануфактуре сблизился с молодым ткачом Василием Волковым, проявившим себя талантливым агитатором и организатором. Волков был сыном рабочего и сам с детских лет работал на фабриках, испытав все ужасы непосильного труда и полуголодного существования, грубого произвола администрации. Его любили товарищи за ум, широкий кругозор, исключительную честность и доброту.

¹ Моисеенко П. А. Воспоминания. 1873—1923. М., 1924, с. 11.

В Орехово-Зуеве жил еще один член «Северного союза русских рабочих» — Лука Иванов. Тот работал на другой фабрике, но находился в близких отношениях с Моисеенко, вел также политическую агитацию в кругу орехово-зуевских ткачей.

Вместе с Волковым и Ивановым Моисеенко создал революционный кружок и развернул пропаганду среди рабочих. В своих беседах и чтениях он объяснял их бедственное положение, подводил к сознанию необходимости борьбы. «Пропаганда моя,— вспоминал Моисеенко,— подвигалась медленно, но слушателей моих разговоров и чтений все прибавлялось. Мало-помалу лед, сковывавший сознание, стал ломаться»¹.

Положение рабочих на мануфактуре стало особенно невыносимым к концу 1884 года. Многократное снижение расценок, многочисленные штрафы, отнимавшие у рабочих до половины их заработка, грубость администрации, произвол в приеме на работу и при увольнении, отвратительные условия труда и жизни, нищенское, полуголодное существование и полное отсутствие охраны труда — все это толкнуло рабочих на проведение всеобщей стачки.

Стачку подготовил и до конца провел революционный кружок, созданный Петром Моисеенко. Он придал ей сознательный политический характер и организованность. Инициаторами стачки явились 19 наиболее активных рабочих. В один из январских дней 1885 года они провели тайное собрание, в котором участвовало 50 человек. Были приняты план про-

¹ Моисеенко П. А. Воспоминания. 1873—1923, с. 59.

ведения стачки и основные требования рабочих, подготовленные накануне на совещании активистов.

Стачка проходила необычайно организованно. В ходе ее впервые были выдвинуты требования в интересах не только рабочих мануфактуры, но и всего пролетариата России. Требования сводились в основном к восстановлению сдельных расценок, существовавших до весны 1884 года, снижению штрафов, выплате заработка в установленные сроки, увольнению ненавистных мастеров и служащих. Орехово-зуевские ткачи требовали издания государственного закона, по которому штрафы не должны превышать 5 процентов заработка, а простои по вине хозяина оплачивались бы в размере 40 копеек в день или 20 копеек в смену. Орехово-зуевцы требовали также твердых правил найма и увольнения рабочих, установления государственного контроля за выполнением правил внутреннего распорядка, за своевременной выплатой зарплаты.

С красным знаменем тысячи рабочих понесли свои требования явившемуся на мануфактуру губернатору. К этому времени для подавления рабочих прибыло две тысячи солдат, казаков, полицейских. К ним присоединились вооруженные смотрители и другие служащие мануфактуры. Они разогнали стачечников, шедших для вручения своих требований. Начались массовые аресты. В тюрьму было отправлено около 600 человек во главе с Моисеенко и членами его революционного кружка, руководителями стачки. Все квартиры и казармы рабочих оцепили солдаты, казаки и жандармы. Стачка была подавлена.

Арестованным царские сатрапы пытались внушить, что в антиправительственном выступлении «виноваты» Моисеенко, Волков, Иванов. Но уже при первом следствии около 200 свидетелей на допросе показали, что стачка проходила при активном участии всех рабочих. Ясно, привлечь всех к ответственности было невозможно. К тому же на судебном процессе раскрылась кошмарная картина жизни рабочих. Даже сам фабрикант Т. Морозов, вызванный на суд как свидетель, вынужден был подтвердить показания рабочих. Бывшие заведующие фабриками, мастера и допрошенные на суде рабочие показали, что стачка была вызвана безмерно тяжелым положением ткачей, баснословным ростом штрафов и снижением заработка, невыносимыми условиями труда и жизни.

И суд вынужден был оправдать всех арестованных. «Этот приговор суда,— писал Ленин,— явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков»¹.

Морозовская стачка, продолжавшаяся десять дней, сыграла огромную роль в развитии революционного движения российского пролетариата. Она была школой борьбы и организации, призывом к более массовым выступлениям трудового люда. Она убеждала рабочих в необходимости вести организованную борьбу не только с капиталистами, но и самодержавием, стоявшим на страже интересов эксплуататоров. В. И. Ленин отмечал, что Морозовская стачка произвела сильное впечатление и на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 24.

правительство. Оно «увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования»¹.

Рабочее движение получало все более широкий размах в связи с ростом капитализма, формированием промышленного пролетариата и крайне тяжелыми условиями его жизни. За пять лет, с 1885 по 1889 год, в стране произошло 301 выступление рабочих. В них участвовало 122 516 человек. По сравнению с предыдущим пятилетием количество рабочих выступлений более чем удвоилось.

Таким образом, в стране, в связи с ростом пролетариата и рабочего движения, создавалась благоприятная почва для восприятия марксистских идей, распространявшихся плехановской группой «Освобождение труда». Она выполняла задачи, поставленные всем процессом исторического развития России, стремилась донести до сознания рабочего класса идеи научного социализма, вооружить массы самым передовым мировоззрением — мировоззрением Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	5
Глава первая	
Революционная Россия в поисках правильного революционного пути	9
В эпоху декабристов	—
Революционные демократы	15
Крестьянская реформа и ее последствия	21
Революционное народничество	28
Проникновение марксизма в Россию. Русская секция I Интернационала	35
Глава вторая	
Первая марксистская...	46
Политическая реакция	—
Кто они?	51
Чтобы отдать все силы...	78
На подъеме	91
Глава третья	
Критика народнической теории и тактики	97
Неотложная задача	—
«Социализм и политическая борьба»	99
«Наши разногласия»	114
«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»	123
	175

64169

Глава четвертая	
Возникновение марксистских групп и кружков в России	136
На благодатной почве	—
Начало революционной деятельности В. И. Ленина	149
В марксистских кружках	151
Приезд в Петербург	157
Идейный разгром народничества и «легального марксизма»	160
Встреча с Плехановым	168
Создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	170

Петр Степанович Фатеев

Первые российские марксисты

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*

Редактор *В. Н. Светцов*

Младший редактор *Н. И. Коршикова*

Художник *И. И. Суслов*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4585

Сдано в набор 05. 04. 83. Подписано в печать 14. 06. 83. А00418. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,59. Условн. кр.-отт. 6,73. Учетно-изд. л. 6,42. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3520. Цена 30 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.